

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СУБКОНЦЕПТА «НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ЖИЛИЩЕ» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Е. Н. Путрич

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь
el.fendich@gmail.com*

В центре внимания статьи – описание основных составляющих субконцепта «неблагоприятное жилище» интерпретационного поля концепта «уязвимость» через описание литературного интерьера, представленного в произведении А. Платонова «Счастливая Москва».

Ключевые слова: концепт; субконцепт; «неблагоприятное жилище»; составляющие концепта; интерпретационное поле.

THE MAIN COMPONENTS OF THE SUB-CONCEPT “UNFAVORABLE DWELLING” IN THE A. PLATONOV’S NOVEL “HAPPY MOSCOW”

E. N. Putrich

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
el.fendich@gmail.com*

The article focuses on the description of the main components of the sub-concept “unfavorable dwelling” of the interpretive field of the concept “vulnerability” through the description of the literary interior presented in the work of A. Platonov “Happy Moscow”.

Key words: concept; sub-concept; “unfavorable dwelling”; components of the concept; interpretation field.

В художественном произведении интерьер играет настолько важную роль, что перестает просто описывать пространство, а начинает отражать внутренний мир героя, систему его ценностей. Жилище человека как своеобразное «зеркало души» приобретает отпечаток личности, а значит – отражает ее психологические особенности [3, с. 93].

Целью данной статьи является описание структурной части «неблагоприятное жилище» интерпретационного поля концепта «уязвимость» через описание литературного интерьера, представленного в произведении А. Платонова «Счастливая Москва». Ярким примером такого изображения интерьера является убранство комнаты Виктора Васильевича Божко: *Он жил в маленькой комнате, освещаемой одним окном; гул нового мира доносился на высоту такого жилища как симфоническое произведение – ложь низких и ошибочных звуков затухала не выше четвертого этажа. В комнате было бедное суровое убранство, но не от нищеты, а от мечтательности: железная кровать эпидемического образца, с засаленным, насквозь прочеловеченным одеялом, голый стол, годный для большой сосредоточенности, стул из ширпотребоного утиля, самодельные полки у стены с лучшими книгами социализма и девятнадцатого века, три портрета над столом – Ленин, Сталин и доктор Заменгоф, изобретатель международного языка эсперанто.*

Автор сразу дает представление о бедности и уродстве комнаты: *В комнате было бедное суровое убранство*, но и здесь он умело использует «грамматику абсурда»: *комната бедна... не от нищеты, а от мечтательности*; а сам жилец счастлив и покоен, как обычно, потому что жизнь его не проходит даром). Нагнетая детали убранства (*железная кровать; засаленное, насквозь прочеловеченное одеяло; голый стол; стул из ширпотребоного утиля*),

Платонов подчеркивает равнодушие Божко к себе, к своей жизни, но только не к любви и работе. В этом заключается ирония. Романтик по своей натуре накрывается (обратите внимание!) не просто *засаленным одеялом*, а *насквозь прочеловеченным*, т. е. то, что одеяло впитало пот, грязь человека не столь важно, а важно, что оно полностью поглотило всю сущность Божко. И стол у автора не пустой, а *голый*, как и душа Виктора Васильевича.

Кроме того, в такой комнате живет одиночество, пустота, печаль и скука: *До позднего вечера комната эта бывает пуста; уставшие опечаленные звуки постепенно замирают в ней, скучающее вещество потрескивает иногда, свет солнца медленно бредет по полу четырехугольником окна и стушевывается на стене в ночь*. А все описанные выше предметы не находятся в этом пространстве, а *томятся в темноте*. В данном фрагменте акцент делается именно на гнетущую темноту, на отсутствие света, закрытости. Интерес вызывает и выражение *скучающее вещество*, которое *иногда потрескивает* в комнате. Что или кто это? Скорее всего, это и есть герой, которому не к кому и незачем спешить домой, но, вернувшись, он, утомленный, засыпает под утро, чтобы завтра снова повторить свой путь в никуда. И такой бессмысленный круговорот очень близок веществу, а не человеку, поэтому автор и не называет имя героя.

В рассмотренном фрагменте вербализуются такие признаки концепта «уязвимость», как: уродство, бедность, нищета, равнодушие, пустота, усталость, скука, закрытость, непрочность, которые можно объединить в один большой – душевная ущербность.

Небрежность, одиночество и равнодушие царят и в комнатах других героев. Например, Москву Ивановну совсем не смущает незнакомец в ее квартире: *Дверь в свою квартиру Москва Честнова часто забывала закрывать. Однажды она застала незнакомого человека, спящего на полу на своей верхней одежде. <...> Москва Честнова не решилась отдалять коммунизм из-за бедности в жилищах и своего права на дополнительную площадь, – она промолчала и дала жильцу подушку и одеяло*.

Андрей Платонов – мастер психологии интерьера. Проиллюстрируем это на примере райвоенкомата – учреждения, которое занимает одно из ключевых мест в романе. Для вневойсковика райвоенкомат – это морг, или, как говорит сам герой, *место длительного заключения, в котором пахнет безжизненностью томящегося человеческого тела, сознательно ведущего себя скромно и экономично, чтобы не возбудить внутри себя замирающегося влечения к удаленной жизни и не замучиться потом в тишине, от тоски отчаяния*. Безжизненность, замирание, мука, тоска, отчаяние – все это напоминает о конце жизни, что в свою очередь, говорит о человеческой уязвимости перед лицом смерти. На этом жутком описании автор не останавливается и добавляет: *Вневойсковик всегда ожидал от учреждений ужаса, измождения и долготерпеливой тоски – здесь же он увидел вдалеке человека, сочувственно думающего по поводу него*. Очевидно, что герой неистово боится данного учреждения, которое наводит дикий ужас, измождение и угнетающую тоску.

В то же время обратим внимание на следующий контекст, который «пропитан» бесчувствием и равнодушием: *Равнодушная идеологичность убранства, сделанного по дешевому госбюджету, и незначительность служащих лиц обещали пришедшему человеку бесчувствие, происходящее от бедного или жестокого сердца*. Казалось бы, настолько безразличная обстановка способна вызывать страх и наводить ужас на Вневойсковика, несмотря на милую военнослужащую Честнову. Последняя, отыскав адрес Вневойсковика, натывается на жакт (жилищно-арендное кооперативное товарищество): *Это был дом с неработоспособным правлением и с дефицитным балансом расходов, так что его стены уже несколько лет не окрашивались свежей краской, а нелюдимый, пустой двор, где даже камни истерлись от детских игр, давно требовал к себе надлежащей заботы*.

С печалью прошла Москва мимо стен и по смутно освещенным коридорам этого жакта, как будто ее обидели или она была виновата в чужой небрежной и несчастной жизни. Убогое убранство, небрежность, дефицит, и пустота навевают не только печаль, тоску, а огромную вину. Живя в таких жутких условиях, герои все равно ищут счастья в жизни.

Проанализировав данные фрагменты, можно с уверенностью говорить о психологической функции интерьера в романе А. Платонова, который наполняет субконцепт «неблагоприятное жилище» глубоким смыслом.

Библиографические ссылки

1. Пейзаж и интерьер в художественном произведении // Myfilology.ru: тематический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myfilology.ru//137/peizazh-i-interer-v-khudozhestvennom-proizvedenii/> – Дата доступа: 26.08.2021.
2. Платонов, А. Счастливая Москва / А. Платонов // ImWerden: некоммерческая электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/platonov_sobranie_tom4_schastlivaya_moskva_2011_text.pdf – Дата доступа: 19.08.2021.
3. Судосева, И. С. Функции литературного интерьера / И. С. Судосева // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-literaturnogo-interiera-1/viewer> – Дата доступа: 26.08.2021.

УДК 821.161.3-3.09 + 821.111-3.09

РОЛЯ МОВЫ Ў АНТЫЎТОПІ: КАМПАРАТЫЎНЫ АНАЛІЗ РАМАНАЎ “МОВА” В. МАРЦІНОВІЧА І “ЗАВАДНЫ АПЕЛЬСІН” Э. БЕРДЖЭСА

М. С. Рагачэўская

*Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
marinaragachewskaya@gmail.com*

У артыкуле разгледжаны функцыі мовы ў двух раманах-антыўтопіях: “Завадны апельсін” англійскага пісьменніка Э. Берджэса і “Мова” беларускага аўтара В. Марціновіча. Кампаратыўны аналіз паказвае, што ў абодвух творах роля мовы – гэта інструмент пратэсту, форма сцвярджэння індывідуальнасці і ідэнтычнасці; крыміналізаваны сістэмай элемент, які, аднак, нясе ў сабе гуманістычныя каштоўнасці і амаль заўсёды падлягае вынішчэнню.

Ключавыя словы: мова; антыўтопія; пратэст; крыміналізаваны элемент; ідэнтычнасць; гуманістычная каштоўнасць.

ROLE OF LANGUAGE IN A DISTOPIA: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NOVELS *MOVA (LANGUAGE)* BY V. MARTSINOVICH AND *A CLOCKWORK ORANGE* BY A. BURGESS

M. S. Ragachewskaya

*Minsk State Linguistic University
Minsk, Republic of Belarus
marinaragachewskaya@gmail.com*

The article discusses the functions of language in two dystopian novels: *A Clockwork Orange* by the English writer A. Burgess, and *MOVA (Language)* by the Belarusian author V. Martsinovich. A comparative analysis demonstrates that the role of language in both the works depicting a fictionalized totalitarian state is that of an instrument of protest, a form of asserting individuality and identity, an element criminalized by the system, but which bears humanist values and is nearly always subject to destruction.

Key words: language; dystopia; protest; criminalized element; identity; humanist value.